

УДК 321.01

DOI: 10.17223/1998863X/35/27

Н.Г. Щербинина

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И КОНСТРУКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Поднимаются проблемы политической культуры России с позиций политического конструктивизма. Политическая культура понимается как знаковое единство текстов, конституированное доминирующим кодом. Делается вывод о преобладании в современности России политической культуры семантического типа, выражающего себя символическим способом бытия. В данной связи в работе дается описание конструктов современного политического мышления российской власти. При этом конструктивная роль принадлежит политическому лидеру, который сам трансформируется в текст.

Ключевые слова: коды политической культуры, семантический политико-культурный тип, конструкты политического мышления российской власти.

Для того чтобы решить проблему исследования политико-культурных кодов, согласно которым российская власть выстраивает смысловую коммуникацию, надо обратиться к методу типологизации. Типологии политических культур Алмода и Вербы (а также их последователей) относятся к веберовской традиции [1. С. 26–47]. И хотя сам Вебер полагал, что действующий в социальном мире придает смысл своим действиям, политико-культурный подход в его классическом выражении сводит политическую культуру не к внутреннему смысловому миру, но к внешнему поведению. Типизация, согласно данной трактовке, представляет абстрактную коллективную личность, которая имеет или, напротив, не обладает установками на действие. Но для анализа конструктов современного политического мышления российской власти, на наш взгляд, надо обратиться к более широкому концепту культуры, к семиотическому взгляду на нее. Понимание культуры (и связанной с ней политической культуры) как знаковой сущности даст нам возможность акцентироваться не только на поведенческих следствиях, но на феноменологическом описании базовых ценностей культуры, ее архетипов.

Поэтому в данном политико-конструктивистском исследовании менталитета современной российской власти мы отталкиваемся от понятия политической культуры, которую мы представим в виде системы значащих конструктов, своего рода «текстов» культурно артикулированных эпох. Политическая культура как конструктивная знаковая система, некий общий смысловой контекст подчинена законам памяти, поэтому мы и обращаемся к научной проблеме культурного кодирования. У. Эко в книге «Отсутствующая структура» писал, что культура строит свои конкретные сообщения в соответствии с кодами, и семиология должна данные коды описать. Успешным примером подобного описания для него послужили работы Ю.М. Лотмана [2. С. 405]. Согласно Ю.М. Лотману, история культуры России, понимаемая семиотически,

дает нам четыре доминантных кода, позволяющих типологизировать культурные тексты. Это следующие типы кодирования: 1) семантический, 2) синтактический, 3) асемантический и асинтактический, 4) семантико-синтактический [3. С. 402]. Выразим ту же мысль по-другому: перед нами четыре языка коммуникации, типологически релевантные нашей культуре вообще, и мы можем экстраполировать их и на культуру политическую. Здесь мы имеем в виду, что политическая культура России представляет собой знаковое конструктивное пространство текстов, оформленное единством кода. Или что политическая семиосфера образовала такую конфигурацию, когда данный код занял центральное место среди ее языков [4. С. 250–252]. При этом на периферии политической семиосферы могут использоваться для коммуникации второстепенные коды или языки, что превращает «чистый» тип в гибридное образование. Другими словами, культура-текст может быть понята как реализация кода, шифрующего политико-культурные сообщения. Конечно, речь идет о доминировании одного властного кода среди других культурных кодов, что и выявляет типологическое политико-культурное единство. Перед нами некий паттерн политической культуры России, именно тот знаковый ряд, который конституирует политическую реальность эпохи и ее «архетипический резервуар», что семиотически моделирует политическую коммуникацию.

Когда мы используем понятие «модель», мы имеем в виду конструирование властью виртуальной политической реальности в форме «текста», пригодного для прочтения коллективной российской личностью. В подобной реальности знаки «существуют» и, согласно Лотману, выделяется двоякий способ бытия знака:

– бытие знака определено тем, что он замещает нечто более важное в знаковом отношении, чем сам знак;

– бытие знака определено его вхождением в систему знаков, которая важнее единичного знака [3. С. 401].

Итак, в основу аналогичной типологии политико-культурных кодов, опираясь на Лотмана, мы поместим два «параметра» с положительным и отрицательным статусом: 1) знаковое существование в политике как замещение более важного и 2) существование знака как части более важного в политическом смысле.

Первое отношение – это отношение замещения, порождающее семиотическое значение (I, семантическое). Второе отношение есть отношение соединения (II, синтактическое). Из сочетания данных позиций со знаками + и – образуется четырехчленная типологическая комбинация кодов:

- 1) I+ II– семантический,
- 2) I– II+ синтактический,
- 3) I– II– асемантический и асинтактический,
- 4) I+ II+ семантико-синтактический.

Охарактеризуем кратко каждый политико-культурный код, задающий, в свою очередь, особую модель политической культуры России в разные исторические эпохи. Каждая модель властного творчества при этом отличается именно конструктивно, т.е. как заданный властью смысловой мир, особая политическая реальность.

Семантический политико-культурный тип

Это значит, что практически весь политический мир символизируется. И вообще реальность творится символически путем создания политического знака. Перед нами некая абсолютная политическая реальность, символический мир, который имеет собственный смысл. То есть данный политический мир состоит из значимых феноменов, по сути чуждых практической обыденности, повседневности. Итак, существуют только знаки: лидеры, граждане, партии и т.п. Действия знаков и их коммуникация имеют символическую природу, это производство и обмен символами. Главное же в знаковой референции выражается функцией замещения, когда часть (например, политический лидер) репрезентирует целое. В контексте абсолютной знаковой функции политических феноменов личность как индивид ценности не имеет, ведь она тоже представляет целое. Потому в современной России и прослеживается тенденция к знаковому политическому представительству. Так, депутаты-одиночки 1990-х гг. уступили место партийным репрезентантам. И, действительно, депутат от партии (а это, по сути, основной принцип электорального отбора в России) есть часть целого и представитель целого. Вообще в таком репрезентативном мире существует лишь тот, кто имеет место в целостности, остальные без причастности к месту – вне значимой политики. Здесь мы наблюдаем возрождение, своего рода, «местничества»: нет места – нет человека политического. Данный феномен вызывает смысловую ассоциацию (но не буквальную) со средневековым боярином, который держался за место в социальном бытии, чтобы место не превратилось в «упалое», а самому не стать «небылью». Таким образом, набор политических знаков конституируется иерархически. Здесь уместно снова обратиться к примеру с боярином, садившимся в Думе, согласно принципу местничества, в строгом порядке относительно «царского места». В любом случае политический лидер России репрезентирует власть как план выражения подобной знаковой иерархии. Потому в условиях современной России наметилась тенденция по возможности фактически безальтернативно выбирать ключевые политические фигуры среднего лидерского звена, тем самым сохраняя за ними место. При этом государственная вертикаль представляет собой настоящую систему местничества: оформлено место – бытует политический лидер-функционер. А чиновники пониже рангом, в свою очередь, занимают иерархическое положение относительно, к примеру, губернатора. Картина такого политического мира (образ реальности) лишается естественноисторического контекста. Картина мира в семантического типа культуре абсолютно конструктивна, ведь определение и конституция политической реальности зависят от властико-конструктора.

Синтаксический политико-культурный тип

Политический мир, напротив, живет практической жизнью, что вызывает разрушение старых символов. А значение человека определяется его причастностью к целому, когда общее господствует над частью. В идеале-тексте перед нами политический лидер, служащий государству по образцу идеологических манифестаций Петра I. И, согласно лидерскому эталону, устанавливается гражданский принцип служения Отечеству. Однако, по нашему мнению, в противовес образцовому тексту, декларирующему «служилый»

конституирующий принцип, доминирующая знаковая коммуникативная практика утверждала другую политическую реальность, где Петр выступал демиургом нового мира. Тем самым вместо разрушенных символов конструировалась еще одна абсолютная реальность семантического типа, что свидетельствует об исключительности «символического» кода для российской политической культуры.

Асемантический и асинтактический политико-культурный тип

Культура, согласно данной модели, стремится к десемантизации. Образец дают революционная волна Просвещения и постмодернистский информационный взрыв. И там и там знаки теряют аутентичность и симулируют. Однако при этом создаются новые символические системы антизнаков. В результате конституируется бессмысленный и раздробленный мир. Пример тому – постперестроечная Лениниана, представляющая собой антигероический «трансферт».

Семантико-синтактический политико-культурный тип

Это мир-антипод предыдущему: осмысленный и единый. Перед нами синтез первого и второго политико-культурных типов. В качестве примера здесь правомерно указать на тоталитарный мир России в единстве идеального и материального его измерений. Теория-текст, по сути собрание догматов, буквально конституировала мир политики как абсолютную смысловую реальность.

Из вышеприведенной систематизации, по нашему мнению, выявляется семиотическая специфика российского политического мира, конструируемого словом-откровением лидера (причем слово это «сказанное» или «несказанное»). То есть наш типичный политический мир представляет собой даже не текст в коммуникативном обмене, но моделирующее слово лидера-текста в режиме трансляции. Лидер-текст дан не для рефлексии, но для «катехизисного» чтения, он хранит в себе все ответы на все вопросы. Не случайно «Прямая линия с Владимиром Путиным» имеет сходную коммуникативную форму. В данной связи для нас представляет интерес недавняя конкретная кодирующая системная модель, согласно которой политическая власть репрезентирует политический порядок в современной России. Здесь мы имеем в виду исторический конструкт транзитивного президентства Медведева: Путин – Медведев – Путин. Тем самым конструкты российской власти осмысливаются в доминантной парадигме, и политическая культура отдельного периода предстает как закодированное пространство знаков.

Согласно выводу данной статьи, политически конструирующая мир власть моделирует реальность России в семантическом кодовом ключе. Под конструктивным лидерством здесь мы подразумеваем феномен путинских интенций, даже если это «коллективное лидерство» тех, кто пишет текст. Как бы там ни было то, что прочитывается, в сущности, является традиционным миром, имеющим смысл, но смысл, не эксплицированный и в символической коммуникации до конца не постигаемый. При всем централистском символизме (а к Центру сводится вся Россия) рассматриваемый политический мир не является единым, т.е. синтактическим. В данной связи одной из основных символических репрезентаций российской политики служит партия власти, называемая «Единая Россия». Но данная характерная манифестация единства

представляет собой лишь абстрактный символ, лишенный конкретного смысла. При этом сама партия далека от организационных систем жесткого типа, являя собой холдинг, т.е. собрание ассоциированных с номинальным центром членов без строгих правил образования структуры.

Интересно, что управляющее конструктивное политическое творчество Путина сформировалось на фоне кодирующего эффекта культуры постсовременности, асемантического и асинтактического по сути. Мир российской «постсовременности», раздробленный и бессмысленный, был явлен как медиареальность, особенно в 1990-е гг. Здесь знаки релятивны, симулируют и не репрезентируют в процессе свободной знаковой игры. Собственно знаки создавались для того, чтобы отрицать знаки, т.е. активно формировалась знаковая система «навыворот». Однако с усилением в начале XXI в. политической пропаганды (как основной формы однонаправленной коммуникации российской власти) знаки стали опять выстраиваться в смысловые конструкции, а те, в свою очередь, образовывать смысловой мир. Конечно, это лишь официальная политическая коммуникация, тогда как альтернативная коммуникация остается асемантической.

Тем самым реальность путинской России, конструируемая политически, не чужда «положительной» и традиционной знаковости. Путин даже реанимировал некоторые существенные политические символы советского прошлого. Но все же нынешняя политическая реальность заметно отличается от советского политического мира, и единого и осмысленного, т.е. семантико-синтактического. В советском мире идеальная сущность (Учение) воплощалась в материальную сферу жизни (строительство социализма в СССР). А материальная сторона подвергалась «диалектике» прогрессизма – модернизации во что бы то ни стало, тем самым подчиняясь ценностям не от мира сего. Такой политический мир кодировался языком героического политического мифа, представляя собой символическую иерархию героев [5. С. 213–226]. Именно данный героический миф и репрезентирует, по нашему мнению, смысловой феномен политической власти России любой эпохи или сакральные основания ее легитимности. В данной связи, между прочим, находится и обращение Путина в 2014 г. к истокам русской власти – сакральному пространству генезиса православного государства.

Отсюда понятен и интерес к конструкту «Победа» со стороны современной политической власти России. Здесь имеется в виду, что в символическом ряду востребованных ритуальных сущностей стоит праздник годовщины окончания Великой Отечественной войны, смысловое наполнение которому придает конструкт «Победа» [6]. Данный сакральный смысловой мир тоже связан с истоками власти и вводит героический символизм в праздничный календарь современных политических торжеств. Власть, по-прежнему присваивая себе весь политический «семиозис», конструирует политический мир вообще и политический праздничный мир в пространстве одного ритуала. Российская власть здесь проявляет себя как «символическая власть» [7], номинирующая политическую реальность. А поскольку повседневный политический мир для нее незначим, то сакральной реальности героического спасения и отводится столь заметное место в «пространстве ликования», ностальгируя по советскому образцу. Перефразируя М. Рыклина, можно

подчеркнуть, что ностальгия по советскому проявляется в данной связи как реакция на исчезновение гигантского тотального пространства политического ритуального действия [8. С. 18].

Мы можем добавить от себя, что ритуал нужен власти-конструктору из-за своей конститутивной сущности, означающей символы власти в этой семантической по типу политической культуре. Ритуализация коммуникации и политики вообще присуща «символической» по духу культуре, а язык героического мифа – это понятный и традиционный язык политической коммуникации власти и народа. Однако власть семиотически не завершает свое конструктивное позиционирование и не всегда принимает на себя героическую ритуальную лидерскую роль. В результате эпифеноменом незавершенной героической конституции политического выступает реконструированный образ Сталина-спасителя. Тем не менее государство как политический конструкт – это по-прежнему «целое», замещающееся «частью» – политическим лидером-репрезентантом. Таким образом, знак (лидер) замещает какое-то идеальное содержание, причем особая ценность, согласно Ю.М. Лотману, конституируется знаком с нулевым выражением «материального» [3. С. 406]. Вот почему на празднике Победы поется «слава» героям, точнее их памяти, тем самым транслируются абсолютные ценности. И здесь репрезентирована своего рода ностальгия политической власти России по конструктивному творчеству «советской политической культуры», которая выражала смысл ясно и эксплицитно. В данном контексте эмоционально нагруженный смылосущий конструкт «Победа» становится в ряд с доминирующим и кодирующим интенциональным переживанием политической власти о России как мире. Символика «Победы» относится к пространству «своего» и «целого», которое репрезентирует Лидер, здесь «часть» представляет «целое», отождествляется с ним.

Поскольку знак в таком символическом политическом сознании не конвенционален, а строится по принципу иконическому (в понимании Ч. Пирса), то становится понятна суть памятного властного дуэта «Путин – Медведев», где тогдашний президент Медведев не стал лидером, а лишь знаком-копией, зеркально отражающим высший лидерский образец. Путин в данном символическом тандеме представлял «идеальное содержание», а Медведев лишь «знак-выражение». Медведев-знак в иерархии в виде набора знаков был первым в ряду (ведь знаки образуют иерархию официального лидерства), но ценность знака зависит от степени его «идеальности». Не случайно Медведев создал себе противоположный от путинского лидерского образа имидж менеджера, постоянно ведя речь о модернизации. Вот почему иконическое соответствие образов двух руководителей недавней России – или их расхождение – служило постоянным предметом для медиадискурса. Здесь, опять же, уместно провести параллели с кодированием средневековой реальности: если мир творит Создатель одним своим словом, то мир российской политики творит Конструктор, и его слово не всегда досказано. Именно лидер-конструктор обладает сакральным знанием «замысла о России», остальные могут лишь углубляться в знак, т.е. попросту строить догадки. И презентуемый образ современного политического мира России, официальная картина мира, абсолютно конструктивна, ведь она зависит от своего творца. Отсюда и нелюбовь российской власти

к выборам, ведь выборы, продолжая в принципе утверждать виртуализацию политического, вводят в абсолютную политическую реальность фактор относительного времени. Отсюда и утверждаемая онтологическая ценность продолжительного официального лидерства.

Следующий конструкт в нашем рассуждении о феномене современной российской политической власти – это понятие политического человека как корпоративного члена. Наш гражданин может стать политиком только как член политической партии, а у власти стоит целая политическая корпорация, принадлежность к которой автоматически выдвигает на высокие политические должности. То есть в России приоритетна не личная профессиональная карьера, но членство в корпорациях, таких как «единороссы», «петербуржцы», «молодежный резерв», «народный фронт» и т.п. При очевидности иерархии знаков, представляющих собой серию однородных элементов, смысл их конкретного квалификационного отбора скрыт от сознания общественности. Здесь обозначилась все та же семиотическая практика: если нет «атрибуции» корпоративной принадлежностью, то нет и личности в политическом смысле. Отсюда в иерархии политических знаков-руководителей столь много безликих и даже «безымянных» персон. Власть же заведомо «знает» кого и куда поставить и занимается дальнейшим корпоративным конструированием. В данной связи наполняется смыслом и бытовавшее не так давно выражение «выстроить вертикаль власти», ведь государство, которое тоже политически сконструировано, понимается Путиным всего лишь как иерархия знаков, находящаяся вне времени. Перед нами, может быть, принцип конструирования, релевантный коду политической культуры вообще (чиновник ведь тоже член корпорации)?

Как бы то ни было конституированы два российских ментальных мира: высший политический мир (конструкторы, руководители-знаки, корпорации-конструкты) и низший мир практической повседневности, который совершенно не ценится и находится вне политики. Это роднит нашу современную политическую культуру со средневековой культурной формой. И аналогично все политические знаки тяготеют к сакральной сути и бытуют как виртуальная политическая реальность. Здесь в качестве определяющей метафоры подобного символического мира можно привести слова того же Ю.М. Лотмана, что в нем «все существующее воспринималось как значимое (и наоборот – только значимое считалось существующим)» [3. С. 406]. Это, кстати, отражается на политической реальности как эффект «маркетинговой недостаточности». Если на Западе в условиях десакрализации политической культуры сакрализуется продукт маркетинга, то у нас маркетинговый феномен как таковой съезживается подобно шагреновой коже, зато сакрализуется сама виртуальная политическая реальность. В результате политические символы репрезентируют сами себя, но при этом смысл выражен латентно. Так, с точки зрения политического конструктивизма современной российской власти, именно «настоящий» (идеальный) лидер является истоком всего сущего и последней инстанцией справедливости. Это не значит, конечно, что власти удастся сформировать феномен безусловной веры (при всех высоких рейтингах Путина) и в Президента верят, как в Сталина, демиурга и спасителя. Но

кроме интенций власти в политическом мире сегодняшней России мало что существует и объективируется.

Таким образом, в основание своего представления о российском политическом мире власть помещает его сугубую сущностную знаковую, которая систематически артикулируется от незначущего мира повседневности. Потому все политические феномены, в том числе и коммуникацию, власть стремится ритуализировать. Частный пример тому ее «телеразборки» с текущими повседневными проблемами и их персонификациями, долженствующие символизировать конструктивную позицию руководящего верха. Так, власть-конструктор кодирует постсовременную медиакультуру своим семантическим кодом. И виртуальный мир наших дней парадоксально срастается с архаикой, по крайней мере, на уровне типологической реконструкции средневековой ментальности. В результате образуется особый доминирующий тип политической культуры России и некая семиотическая субкультура власти, а их основание – существование в политике как замещение более важного в знаковом отношении. Под таким трансцендентным бытием подразумевается феномен властной «тайны», сегодня намекающий на сакральный базис самой российской власти, от которого зависит определение и переопределение политической реальности. Мы, к примеру, совершенно не в курсе проекта отдаленного будущего или хотя бы сценария завтрашнего дня. То есть сущность политики заключается в конструктивном модусе действия политической воли ее главного субъекта. Тем самым конституция политической реальности России «подвешивается» к самому верху, а конструкция институтов политической системы консервируется согласно ментальным архетипам власти.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
3. Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2001. С. 400–417.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство–СПб», 2001. С. 149–390.
5. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 287 с.
6. Щербинина Н.Г. Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 83–98.
7. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. [Электронный ресурс] http://ecsocman.hse.ru/data/346/925/1231/2_2_3bourd.pdf (Дата обращения 12.04.2016.)
8. Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М.: Издательство Логос, 2002. 280 с.

Scherbinina Nina G. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: sapfir.19@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 27

POLITICAL AND CULTURAL CODES AND CONSTRUCTIVE CREATIVITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POWER

Key words: political culture codes, political and cultural semantic type, political thinking constructs of the Russian power.

The article raises the issues of Russian political culture from the perspective of political constructivism. Political culture is understood as a symbolic textual unity that is constructed by a dominant code. In the article it is concluded that the semantic type of political culture predominates in modern Russia, it is expressed in a symbolic way of being. In this regard the work describes the constructs of modern political thinking of the Russian authorities. Herewith the constructive role belongs to a political leader that is transformed himself into a monologic text.

References

1. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civil culture: Political attitudes and democracy in five countries]. Translated from English by E. Gendel. Moscow: Mysl'.
2. Eko, U. (1998) *Otsutstvyuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Lack of structure. Introduction to semiology]. Translated from Spanish by A.G. Pogonyaylo, V.G. Reznik. St. Petersburg: Petropolis.
3. Lotman, Yu.M. (2001a) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB. pp. 400–417.
4. Lotman, Yu.M. (2001b) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB. pp. 149–390.
5. Shcherbinina, N.G. (2011a) *Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [The mytho-heroic construction of political reality in Russia]. Moscow: ROSSPEN.
6. Shcherbinina, N.G. (2011b) Politicheskiy konstrukt “Pobeda” v kontekste fenomena nostalgii po sovetskomu [The political construct of “victory” in the context of the phenomenon of nostalgia for the Soviet]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 83–98.
7. Bourdieu, P. (1993) Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social space and symbolic power]. *Thesis*. 2. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/data/346/925/1231/2_2_3_bourd.pdf. (Accessed: 12th April 2016.)
8. Ryklin, M. (2002) *Prostranstva likovaniya. Totalitarizm i razlichie* [Spaces jubilation. Totalitarianism and distinction]. Moscow: Logos.